Близки ли Москва и Киев к мирным договоренностям?

Евгений Прейгерман

Опубликовано в Global Brief

Резюме

Вот уже несколько дней и из Москвы, и из Киева звучат все более обнадеживающие комментарии о ходе переговорного процесса. Обе стороны заявляют, что договоренности о прекращении огня и начале политического урегулирования конфликта могут быть достигнуты в ближайшее время.

Так, президент Украины Владимир Зеленский утверждает, что позиции сторон становятся более реалистичными. Министр иностранных дел России Сергей Лавров, в свою очередь, говорит о более реалистичных оценках ситуации со стороны самого Зеленского. А во второй половине дня 16 марта появилась информация о существенном прогрессе в переговорах, выработке плана нейтрального статуса Украины и подготовке документов для встречи на уровне президентов Украины и России.

Означает ли все это, что военный конфликт действительно в скором времени может быть остановлен путем заключения мирного соглашения?

Как минимум, это означает, что переговорный трек, стартовавший 28 февраля в Гомельской области, сформировал канву будущего компромисса. Конкретные параметры компромисса в итоге могут быть разными и могут меняться в зависимости от дальнейшего развития событий на поле боя, а также от позиции США. Но они в любом случае будут вписаны именно в эту канву. Поэтому в общих интересах, чтобы ничто не мешало работе переговорного формата.

Оптимизм и опасения

При этом исходящий от обеих сторон оптимизм по поводу возможности договориться уже в самое ближайшее время одновременно радует и несколько настораживает. Радует, разумеется, потому, что перемирие спасет многие жизни. Настораживает – потому что выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Очень хотелось бы ошибаться, но прямо сейчас сложно представить реалистичный вариант устойчивого мира. По крайней мере, информационный фон пока далек от «созревания» к перемирию.

Понятно, что информационное пространство и физическая реальность на земле, а также в переговорах – это две большие разницы. Содержание и акценты медийной повестки отражают жесткие реалии информационной войны (которую, к слову, Украина выигрывает вчистую) и публичное позиционирование воющих государств. А содержание и акценты закрытой переговорной повестки могут существенно отличаться. Тем не менее, пока не кажется, что стороны действительно пришли к выводу, что ход военных событий и их политические последствия полностью предопределены.

Наоборот, складывается впечатление, что они допускают большую вариативность возможных сценариев. Особенно Киев, который очевидно делает ставку на время. Это понятная и, вероятно, рациональная тактика поведения. Но и Москва уверена, что ситуация на поле боя в любом случае будет развиваться в ее пользу и что таким образом она сможет даже повышать ставки. Поэтому не удивительно, что на фоне многих обнадеживающих заявлений самих переговорщиков Владимир Путин продолжает резко настаивать в беседах с западными политиками: «Киев не демонстрирует серьезный настрой на поиск взаимоприемлемых развязок».

Это означает, что пока в переговорном процессе отсутствуют обе традиционные предпосылки для достижения реальных и долгосрочных договоренностей:

- Понимание, что одна из сторон обречена на полное военно-политическое поражение и что затягивание переговоров приведет лишь к большим жертвам, инфраструктурным разрушениям и более тяжелым окончательным условиям мира.
- Понимание обеими сторонами, что ни одна из них не сможет достигнуть большего на поле боя. И что для обеих сторон затягивание переговоров будет означать лишь большие потери и изнурение, а значит – и дальнейшее ухудшение условий возвращения к мирной жизни и восстановления.

В такой ситуации любой пакет договоренностей столкнется с серьезными проблемами принятия внутри Украины. А это может быстро привести к новой эскалации. Вероятно, многие параметры потенциального компромисса могут вызвать негативную реакцию и внутри России. Однако особенности ее политической системы, в отличие от украинской, снивелируют последствия. По крайней мере, в краткосрочной перспективе.

Позиция США

Особенно важным фактором при этом является позиция США. Вероятность заключения и имплементации мирного соглашения во многом зависит от решений Вашингтона: качественно расширять военную помощь Киеву, стремясь втянуть Россию в долгосрочное активное противостояние, или сосредоточиться на урегулировании конфликта и восстановлении Украины (а это подразумевает и необходимость поиска сложных решений для нового обустройства европейской системы безопасности)? Пока все указывает на то, что в целом американские исполнительные власти склоняются ко второму варианту.

Тем более в свете опасений о возможном разрастании конфликта и подключении к нему новых стран, так или иначе оказывающих поддержку России. Это, прежде всего, касается информации последних дней о якобы просьбе России в адрес Китая о помощи и якобы готовности Пекина позитивно рассмотреть возможность оказать такую помощь. Оставим за скобками, насколько такая просьба вообще могла быть направлена в действительности, а также какого рода координация может осуществляться между Москвой и Пекином. Важен сам факт: даже гипотетическая вероятность дальнейшей интернационализации конфликта действительно выглядит слишком пугающе. Притом как с военно-политической, так и гуманитарной точек зрения.

Однако политика США в любом случае будет сохранять ту или иную степень двойственности: в отношении и конфликта, и России, и будущего европейской системы безопасности. Это обусловлено традиционными особенностями пересечения американской внутри- и внешнеполитической повестки, взаимодействия различных институтов и ветвей власти, а также логикой сигнализирования разнонаправленных интересов в международных отношениях. Важно, чтобы такая неизбежная двойственность не дезориентировала Киев и Москву по поводу генеральной линии Вашингтона.

Евгений Прейгерман
Директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»